

Глеб Иванович Успенский

Наши добровольцы на чужой стороне

Глеб Иванович Успенский

Наши добровольцы на чужой стороне

Серия «Письма из Сербии», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664415*

Аннотация

«Здесь», местных, причин, дурно влиявших на русского добровольца, было много множество. Решаясь идти на смерть, русский доброволец хотя и имел полное право утверждать, что для него «все один черт», но сознание, что это дело приносит ему «во всяком случае» «непрерывно» честь, играло в его решимости едва ли не такую же значительную роль, как и его изломанное прошлое. Так вот одна из первых причин множества неудовольствий, наполнявших сердце русского добровольца, состояла именно в том, что на первых же порах по прибытии сюда доброволец не находил почти ничего, что ласкало бы его самолюбие; дома, в России, он в последние дни перед отъездом привык считать себя выше других, привык получать похвалы и восторги, пил, сколько хотел, и т. д. Этого же самого ожидал он в глубине души и подъезжая к Белграду, к Сербии – и, к удивлению своему, ничего такого не находил; Белград не делал ему никакой «шумной и крикливой чести»...»

Глеб Иванович Успенский

Наши добровольцы на чужой стороне

«Здесь», местных, причин, дурно влиявших на русского добровольца, было много множество. Решаясь идти на смерть, русский доброволец хотя и имел полное право утверждать, что для него «все один черт», но сознание, что это дело приносит ему «во всяком случае» «непрерывно» честь, играло в его решимости едва ли не такую же значительную роль, как и его изломанное прошлое. Так вот одна из первых причин множества неудовольствий, наполнявших сердце русского добровольца, состояла именно в том, что на первых же порах по прибытии сюда доброволец не находил почти ничего, что ласкало бы его самолюбие; дома, в России, он в последние дни перед отъездом привык считать себя выше других, привык получать похвалы и восторги,пил, сколько хотел, и т. д. Этого же самого ожидал он в глубине души и подъезжая к Белграду, к Сербии – и, к удивлению своему, ничего такого не находил; Белград не делал ему никакой «шумной и крикливой чести»... Доброволец как-то забывал, что Белград не только не «продолжение» его торжеств, начавшихся в России, но, напротив, полнейшее и решительнейшее их прекращение; забывал, что именно с этого пункта

его путешествия и начинается «служба», «подвиг», «жертва», на которую он шел добровольно; забывал, что здесь лазареты наполнены ранеными, что здесь то и дело хоронят убитых, что здесь все задумчиво и озабоченно и что, следовательно, нет никакой возможности требовать, чтобы так уныло настроенный город каждый день являлся на пристань и орал «живио» и делал бы угощения, овации... Ничего этого доброволец не принимал в соображение, полагая, что в Белграде, напротив, для него будет устроено нечто гораздо более забористое, чем то, что было устроено в Москве, в Саратове, в Харькове. Мало того, нередко даже обижался, если слышал, что ему, например, придется жить в казармах.

– Как в казармах? – удивляясь и негодуя, восклицал иной Доброволец из благородных или состоятельных.

– Да так, в казармах, как все.

– Я-то?

– Ты! А что же ты такое?

– Да если они только посмеют упрятать меня в казармы, так мне черт их возьми и с Сербией! – сейчас уеду назад... Чтобы я со всякой сволочью...

– Да ведь ты волонтер или нет?

– Ну, волонтер!

– И вот этот солдат – волонтер...

– Нет, разница!

– Никакой разницы нет...

– Нет, уж извини, большая разница!

– Никакой нет разницы, – ты теперь солдат, и он солдат...

Какая же разница?

– И очень большая разница! Он свинья, а я...

– А ты что?

– А я со свиньей не хочу быть вместе, вот и все! Черт их возьми! в казарму?! Я еду на свой счет...

– Да ведь ты в солдаты идешь-то? Ведь ты солдат – ну, и иди в казармы... бери ружье!

Многие поистине с удивлением узнавали, что между одним солдатом и солдатом другим, третьим – нет никакой разницы в правах и обязанностях и что быть волонтером – значит быть солдатом, значит переносить все трудности военной жизни. У иных, по-видимому, образовалось представление о волонтере, как о существе, решительно ничем, никому и ни перед кем не обязанном: иному казалось, что раз он пошел в волонтеры, так это значит, что он получил право отклонять от себя какие бы то ни было обязанности, пользуясь, напротив, всевозможными правами.

– Я волонтер! – кричал один доброволец на начальника партии, к которой он был причислен: – мне никто не имеет пр-ва приказывать.

Многие из этих господ, свирепствовавшие все три тысячи верст своей дороги, полагали, что все это «еще не то», не настоящее, гак, от скуки, «в дороге», а что вот в Белграде – так там уже только держись, что начнется...

А в Белграде-то именно – все это и прекращалось.

На пароходной пристани при встрече добровольцев обычно не бывало никакой толпы, ни криков, ни оваций.

Захлопотавшиеся члены «Красного Креста» почти молча вели прибывших добровольцев в небольшой домик, построенный на берегу, отделяли офицеров от рядовых, складывали вещи тех и других на полу и рядовых уводили в казармы, а офицеров в гостиницу – но тоже пешком. Наши ждали извозчиков, даже не простых извозчиков, а каких-то княжеских карет, в которых их повезут по трактирам и гостиницам, а тут иди пешком по темному, мертво спящему, плохому городу, по плохой мостовой, напоминающей наш уездный город, в такие гостиницы, где не только ничего не достанешь в такую пору (ночью), но и не достучишься – все спят и, по видимому, ухом не ведут, что приехали какие-то великолепнейшие люди.

Такой сухой прием, крайне неприятный тем, кто рассчитывал в Белграде «развернуться», вообще довольно уныло действовал на всякого русского. Уныло действовал и самый вид этого небогатого городка и эти похороны с музыкой, встречаемые почти тотчас же по приезде... Вся веселая сторона волонтерства была уже изжита в России – здесь приходилось сейчас же браться за дело, и русскому становилось с первых же дней скучновато в Белграде: так был резок переход от ожидания дела к самому делу, к его сухой, прозаической стороне. Всем без исключения – и искренним и неискренним добровольцам – было скучно. Одни начинали

поднимать свой дух возлияниями, результатом которых оказывались скандалы и всевозможные безобразия, другие рвались поскорее в армию, и вот тут-то, как на грех, сейчас и являются те местные затруднения, о которых я намереваюсь поговорить в этом письме.

Всякому русскому добровольцу необходимо было сделать в Белграде три дела: одеться в сербскую форму, получить оружие и затем вытребовать себе колу (подводу), чтобы уехать. Кажется, вещи нехитрые; но посмотрите, сколько тут являлось затруднений и всяческой путаницы, как мало было сделано для того, чтобы облегчить эти очень простые дела. Обыкновенно на одном пароходе приезжало несколько небольших провинциальных партий, вверенных славянским комитетом одному какому-нибудь лицу; лицо это было обязано заботиться об этой партии и руководить ею в Белграде, которого оно также не знало, как и любой отставной солдат-волонтер, находившийся в его партии. По прибытии партии ее размещали по казармам и по гостиницам, в каждой по несколько человек, – в одной три, в другой семь, и т. д. Начальник партии также помещался в той гостинице, где есть пустая кровать. В результате выходило то, что ни начальник не знал, где его партия, ни партия не знала, где ее начальник. Проснувшись в гостинице, добровольцы начинали ходить по незнакомому городу, искать своих товарищей, а товарищи тоже искали их, совсем по другим местам и улицам; в то же время и начальник партии также бегал, разыскивая

своих и, встречая их случайно на улице, в кофейне, где одного, где двух, решительно не мог добиться видеть их всех, чтобы всем одновременно объявить – что им надо делать. Большинство добровольцев, таким образом, бороздило город безо всякого дела по разным направлениям и от нечего делать брело туда, куда им посоветует идти первый встречный. «Идите, господа, к министру» – и пойдут гурьбой, человек в пять-шесть, к министру, где им, разумеется, скажут, что не имеют о них никакого понятия. Скажет кто-нибудь: «идите в славянский комитет», – пойдут туда, и там тоже скажут им, что ничего неизвестно... Так шатается вся партия по министерствам и комитетам, никого не находя и ничего не добиваясь; иным это приходилось «по натуре», как я уже и писал, но большинство утомлялось этим; помотавшись день, утомишься скукой, волей-неволей займешься «сатликом вина». Примите во внимание, что этот самолично, но бесплодно добивающийся и ищущий места, откуда отправляют в армию. – этот народ из тех, кто хотел дела, кто рвался к нему. Один день такой бестолочи неприятно действует на него, раздражает; не знать языка, не знать цены и названия денег, не уметь спросить поесть, расспросить дорогу, – все это только усиливало раздраженное состояние духа, потому что поминутно заставляло человека чувствовать свое одиночество, свою заброшенность на чужую сторону, где никто не обращает на него внимания, никто не заботится о нем...

Понятно, что простой, не умеющий себя сдерживать че-

ловек (к тому же иной раз остававшийся без еды по целым суткам, благодаря чьей-нибудь оплошности) невольно должен был возроптать и на сербов и на своих. В то же время и министерства и комитеты не знали ни дня ни ночи покоя от этих посещений растерявшихся по городу добровольцев.

По целым дням, таким образом, люди изнывали в бесперывной ходьбе, в непрерывном незастанье, в неизвестности, что с ними будет, когда их ушлют в армию и куда.

Результатом такого порядка дел были толпы ропщущих добровольцев, тысячи неприятностей жителям города, сербам.

– Мы за вас, за каналий, кровь пришли проливать, а ты обсчитываешь? Мошенник!..

– Да на много ли он вас обсчитал?

– Черт его знает, на сколько! Я знаю, что много... С Андреева он взял вчера две вот таких (показывает деньги), а с меня – вон какую кучу!

Рассмотрев и «вот такие» деньги и те, которые платил Андреев, вы увидите, что деньги эти разные, одни австрийские, другие сербские; по-сербски взята куча, а по-австрийски маленькая штучка – в сущности же взято с нашего негодующего добровольца как раз столько же, сколько и с Андреева.

– А черт их знает, какие там у них, у подлецов, деньги!

Результатом этой бестолковщины являлась очень часто встречающаяся фигура русского добровольца из простых, то есть живущих в казармах, которая ко всякому встречному

обращалась с просьбой дать ему хотя один динар.

– Обещали мне выдать по приезду, а ничего нет! Думал послать жене, а теперь вот хоть самому умирать. Ну уж будет нашему брату, что вспомнить! Кабы знато да ведано.

Он, конечно, получит то, что ему следует (все получили!), но покуда это случится, покуда он случайно наткнется на человека, который получал сам и знает, как это делается, он в отчаянии, в негодовании, он ропщет и бранится и увеличивает собой толпу людей, точно так же ропщущих, недовольных, которые, запутавшись в этой бестолковщине, с тоски и с горя пьют, а в пьяном виде, с тоски и горя, делают бог знает что. Но это еще не все.

К числу элементов, портивших кровь и дух русского добровольца на чужой стороне, следует отнести также беспорядочность в выдаче обещанных разными комитетами денег.

Один из добровольцев, например, всю дорогу рассчитывал, что столько-то рублей он пошлет матери, столько-то оставит себе. По приезду же оказалось, что из денег, которые он должен получить, ему ровно ничего не следует, или же причитается такая сумма, которую можно только пропить.

Такие случаи встречались поминутно: «обещали сто рублей, а дали грош» – фразу эту я слышал очень и очень часто. По-видимому, кто-то что-то такое обещал; быть может, об этих ста рублях доброволец слышал и не в славянском комитете, а где-нибудь в кабаке от случайного знакомого, не имеющего о деле никакого понятия, тем не менее слуху это-

му человек верил и, может быть, только веря ему, и пошел в добровольцы; когда же все мечты его оказались вздором, он, разумеется, не задумываясь, возвестил повсюду, что его обманули.

Усилению этих финансовых недоразумений много способствовало также и то, что провинциальные комитеты наделяли отправляемых ими добровольцев неодинаково: одни давали на руки, положим, по сто рублей, другие – по тридцати; одни давали на дорогу по рублю, другие – по тридцати копеек. Почему один получает больше, другой – меньше, хотя и один и другой одинаково оба отставные солдаты и одинаково служили по 25 лет и теперь одинаково едут умирать рядовыми, – наш доброволец понять не может, да и не хочет: «Тут, – думает он, – все равны, отчего же ему больше, а мне меньше?» Очевидно, кажется ему, что тут какой-то обман или несправедливость, – и ропщет. Бывает еще и так, что в одном и том же отряде люди наделены неодинаково: так, я ехал с добровольцами одного провинциального отряда и слышал жалобы на то, что вот, мол, пятерым выдали одеяла, а четверым – нет, а купечество, мол, выдало на всех. Такой беспорядок поселяет личную рознь и неудовольствие даже между людьми одной и той же партии, и действительно, редко можно встретить такую партию, где бы добровольцы не препирались всю дорогу друг с другом, именно из-за этих бесчисленных недоразумений и недосмотров власть имеющих.

И опять-таки это еще не все...

Как видите, читатель, лицам, власть имеющим, было о чем позаботиться и что делать. Дел много, дела самого настоящего. Если б даже был устранен весь беспорядок делавшихся здесь дел, то и тогда, и при полном порядке, их хватило бы на всех по горло. Так вот – нет же! К этому запутанному положению вещей поминутно присоединялись так называемые на Руси «неприятности», то есть совершенно ненужные и совершенно неуместные претензии, придирки, дерзости и т. д., на которые «и здесь», то там, то сям, поминутно наткался не только русский, но и сербский доброволец...

– Вы почему же это, господа, не кланяетесь мне? – заявляет вдруг некоторое русское лицо, входя в столовую, где обедают русские же доктора. Любовь некоторых наших соотечественников, преимущественно «власть имеющих», идти наперекор делу и привычка усложнять его вздором или дерзостью, совершенно ненужною, поминутно заставляла «не добром» поминать русскую чиновничью школу. Слухи насчет этих ненужных деяний ходили в громадном количестве. Рассказывали о волонтере, просившем отправить его в Россию, человеку крайне больном, который в ответ на свою просьбу получил такое изречение: «взял деньги – так служи!» Я испытал бы несчетное количество листов бумаги, если б захотел передать все, что говорили, что ходило в кругу добровольцев по поводу бывших здесь порядков, но довольно и этого. Не спорю, все это, может быть, и вздор и ложь; для меня важно

то, что все эти, быть может, ложные и вздорные слухи ходили в кругу добровольцев, принимались ими к сведению, влияли на них, на их состояние духа, раздражали их. Если вы дадите себе труд сосчитать все, что перечислено мной, в объяснение дурного состояния духа русского добровольца, то, надеюсь, поверите (приняв во внимание, кроме того, и его жизнь дома), что, садясь в «колу», чтоб отправиться в армию, он не мог хотя на минуту не подумать о том, что «хорошо было бы теперь воротиться домой!».